

Лев Исаков

*Тяжкий путь
из «руси»
в Россию*

Россия или феодализм

Лев Исаков
Тяжкий путь из
«руси» в Россию.
Россия или феодализм

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28954022

ISBN 9785449026910

Аннотация

В едином концептуальном ключе геополитической обусловленности создания общего государственного поля народов северной Евразии как условия сохранения их этнологической субъективности автор излагает историю древнерусской народности, вырастающей в великорусскую на том решающем этапе, когда закладывались определяющие этно-культурные черты возникающей народности, сделавшие великороссов «главным народом» Северо-Евразийской Геополитической Общности по словам великого осетина Иосифа Сталина.

Содержание

Моё родословие	5
Предисловие	6
Линия Игоря vs Линия Святослава	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Тяжкий путь из
«руси» в Россию
Россия или феодализм**

Лев Исаков

© Лев Исаков, 2018

ISBN 978-5-4490-2691-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моё родословие

*Мы
Простые,
В деревне у нас
Всех было пополам:
Дорогины, Исаковы, /Ипановы тож!/
Из
Шелонских пятин
От Александровых мужиков
Топорами коловших Чудской Клин;
Кучумовы, Мамаевы из Орды —
Предок им Чингисхан;
Ну-ка
Заглоти
Русского ериа —
Да чтоб не вылетели глаза...*

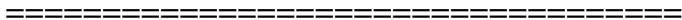
Предисловие

Эта книга возникла, как печатное представление части того курса Гражданской Истории, что я читал не очень внимательным студентам МИПК им. И. Фёдорова в 1998—2007 годах; и отложившаяся уже ранее в 3-х программных работах, 2-е из которых, представленные благодаря сердечному содействию Бориса Ивановича Сокола, были зачитаны и публиковались в материалах «Александрово – Невских Чтений» в богоспасаемом городе Пскове 2013—2014 годов – низкий ему поклон из моей Подмосковной берлоги, замурованной «остепенёнными» сторожами – в полном составе в России они не публиковались. И вот, завершив монографическую дилогию о генезисе «руси» от Ностратического Начала до крушения при правнуках Ярослава Мудрого, и находясь под прессом неизжитой инерции к писанию, я подумал что, добавив к этим работам ещё одну о Куликовской битве и связав её неким проходным текстом, как Даниилова линия Александрова рода возобладала в освоении и эксплуатации его наследия, выйдет необременительный читабельный связный опус; и быстренько сел отписаться в недельку до католического Рождества – случилось гоньбы на месяц. Уже вроде бы ясный материал Куликовской битвы начал разеваться недоумёнными вопрошаниями, обращёнными к тому, что было ранее и станет после неё: поэтому не удивляй-

теть, что найдёте в её части вопросы, вроде бы уже освещённое в предыдущих разделах – но как следствие, приобретала существенный характер итоговая часть, порождавшая ответы на такие странные искажения в изложении самой битвы в летописных источниках – на неё перекладывали ответственность за то, что произошло в 1382 году... Трагедия Московской земли в августе 1382 года всплывала, как самобытное явление Русского Феодализма, его Родовое Преступление, равно – общими подельниками которого явились и нижегородский клятвопреступник княжич Василий Кирдяпа и московский герой «Всея Руси» Дмитрий Донской... А Тохтамыш и шире Орда, даже и вне своих желаний, явились только инструментом чужой коллективной воли, в какой они, Хан и Орда, пребывали уже давно, с 1260-х годов – платные пожарные на «ордынском выходе». Итоговая часть приобрела исследовательскую значимость – в представленном виде краткая лишь настолько, насколько позволяет наличный материал делать обоснованные предположения. Они обретут мгновенную реальность и развитие, как будет установлено, когда же началось восстание 1382 года в Москве, в августе 1382 года, **НО ДО НАБЕГА ТОХТАМЫША**, что я приблизительно установил и определённно доказал; **ИЛИ МНОГО РАНЕЕ**, в июне – июле... Впрочем, разгром Московии в 1382 году, было ли это следствием сговора Завидущих «русских» на Ведущего «московского» князя, и малодушной капитуляции последнего перед «княжой стаей»,

или Объединением Всех против зарычавшего Здоровенного
Опасного Малого – остаётся родимым пятном на всём вели-
корусском феодализме...

Линия Игоря vs Линия Святослава

Становление единой Древнерусской государственности, Киевской Руси, привязанное по историческим реалиям наличного материала к родовой истории легендарных Рюриковичей, отражалось в современной ему всемирной историографии т.н. «исторических народов» как нарастающие вспышки фантомов, поражавших воображение внешне-сторонних наблюдателей, когда их всплески нарушали сложившееся бытийствование христианского и мусульманского миров, заставляя оборотиться к ворвавшемуся наяну, какими-то внутренними причинами вдруг вылетевшего из тени положенных ему околотков «внеисторического присутствия». Нарастая, сближаясь, они наконец сливались, кристаллизуясь во внешнем внимании в то, что мы называем Киевской Русью или Древнерусской Государственностью, что для неё самой являлось Русской Землёй, единственной из всех старославянских образований охватившей не какой-либо славянский племенной народец – целую их ветвь вкуче с иными; неустранимую из обозрений уже вследствие своей громадности и ставшую признаваемым субъектом исторического с середины 10 века.

Т.о. при отсутствии собственной историографии периода она объективно документирована через внешнее вни-

мание стороннего документа; и также во внешнеполитическом и внешнеэкономическом образе то врага, то союзника, то купца-контрагента. Естественно, это демонстрирует лишь какие-то итоговые результаты внутренних процессов оформления гиперсоциума; не динамику в целом, а мгновенный статистический снимок процесса, достаточно независимый в отношении всей полноты картины, как по его инаковой внешности, так и по специфической избирательности к интересам стороннего субъекта, которые меняются под собственную ситуацию его положения, как и к меркам его ценностных ориентаций в мировоззренческом и идеологическом смысле, модифицируются к континууму его понятий т.е. искаженно – но других источников для описания социально-политических процессов становления древнерусского социума из народности в государственность с политической стороны просто нет.

Да, выходя за рамки археологической анонимности и до момента сложения устойчивой историографической традиции исследователь начинает «скакать по верхам», и легкость слога и теоретизирования от того необыкновенная, особенно для рознящих эпизоды пустот, становящихся подлинным полем боя конкурирующих текстов; вполне закономерно охватывающая своим запалом и начальные периоды складывающейся историографии, которые поражены аберрациями улавливаемых воспоминаний – тем более что в момент возникновения письменность преимущественно пола-

гается профанно-практическим средством хозяйственного оборота, невозможным к использованию фиксации священных преданий и генеалогий; и письменные акты минойских дворцов дают значительно меньше для политической истории Крито-Минойской цивилизации, чем устная традиция о Проклятие Дома Атридов, а сохранившаяся чисто устная традиция священных генеалогий Полинезии даёт куда как более основательные опоры самым неординарным построениям Тура Хейердала. Т.е. перманентная полемичность дискурса в данной области истории не привнесённое спекулятивное, а внутридисциплинарное и академическое качество, обусловленное самим характером наличных на начало 3 тысячелетия источников, круг которых растёт очень медленно и непредсказуемым образом; и преимущественно в виде массового материала и/или совершенства методов интерпретации, расширяющих круг исторических свидетельств и глубину проникновения в информативное поле памятника. Здесь возникает очень любопытная коллизия, когда длительное время новый теоретический материал возникает не из нового факта, а на поле наличных теоретических посылок т.е. как бы на фактологической пустоте, что в общем не свойственно истории, оформлявшейся в идеале как чисто описательная наука – литературное, философское, логическое домысливание с самого начала воспринималось только как средство заполнения лакун, и в восхождении с полагаемым освобождением от него. К естественному требованию

соответствия всему наличному фактологическому материалу в этом случае добавляется ещё одно – охват всей полноты наличного существующего теоретического поля, верификация допустимости в соотношении со всеми его агентами, которые либо принимают новое допущение, либо входят в него, либо снимаются/модифицируются им. Новая симфония возникает только из камертонности целому. На этом очень скользком пути только полное осознание историком, что его область профессиональных интересов лежит исключительно в сфере бытийственности, а не в возможности или должествовании, и сохраняет его в дисциплинарной чистоте постижения «всего действительного», которое должно стать «разумным».

Но даже отсутствие других источников, кроме внешне-отражённых, не снимает требования ответа на вопрос о степени глубины соответствия отражённого в весьма кривом зеркале к оригиналу – ведь нередко именно в расхождениях мнений на степень соответствия от полного неприятия до дословного приятия и вскипают зачастую наиболее яростные дискуссии, и довольно часто без итоговых научных результатов. Как и насколько внешние свидетельства политики и товарооборота говорят о кристаллизующих центрах возникающей государственности сверх констатации факта её наличия – в конце концов есть этно-социальные общности, вполне отчётливо присутствующие в истории и политике, но обходившиеся без государственности: например курды, или ис-

торические согдийцы?

В принципе утверждающееся с 17 века кредо теории государства и права исходит из того, что «настоящая государственность» возникает на скрепе экономического единства, стягивающего географическое пространство в государственную территорию, на которой возникает «государственный этнос», в идеале «буржуазная нация» с т. т. т. признаков. Последние явно привнесённое из слишком калейдоскопической картины европейских социумов и только маскирует к реальности теоретический стержень «экономического единства» главным признаком которого является «единый национальный рынок», именно он и создаёт Государство на все времена, в теоретическом обобщении идеала Вне людей (как, впрочем, и Вне народов). При этом все «малорыночные» образования как бы автоматически отбрасываются в ранг «недоразвитых», «переходных», «случайных», «тупиковых», «паразитических»... А вся «неэкономическая история» великих империй Средиземноморья и Передней Азии уподобляется в историософском смысле только постаменту к Крошке-Афинам, эфемерный срок существования которых в качестве государственности 1 ранга угнездился в 50-летний период Кимона – Перикла, но по логике «догмы экономизма» заслонивших и прежде бывшие Ассирию и Персию, и грядущие Македонию, Парфию и Рим; три из которых заявлены носителями «азиатского способа производства», как-то стыдливо уклоняясь от признания, что и Элли-

низм и Рим в большей части его потребители – правда, ищут его уже 150 лет, от Энгельса до Семёнова, и никак не могут найти... Как и «честно экономически» признать, что коли Афины и Рим питались египетским хлебом, то сам способ как-то «экономически выше».

Это приобретает прямо-таки шизофренический характер, когда из двуполья или трёхполья выводят содержание феодализма, а 300-летнее противостояние Парфии и Рима усматривают в колебаниях цен на китайский шёлк для римского нобилитета. Марксизм, эта высшая утончённо интеллектуальная форма экономизма, собственно перерастающая его рамки, через диалектику раскрывающая богатство его содержания для социально-политического и культурологического, становится странно-непоследовательным в этом пункте превращения реалий экономического базиса в социальную одухотворённость. Многократно отстраняясь, восставая против поползновений своих эпигонов протащить закономерности желудочного тракта на человеческое бытие: «если они марксисты, то я не марксист (Маркс)», «умный идеалист ближе к марксизму глупого материалиста (Ленин)», признавая суверенную значимость экономического, политического и идеологического например в рамках классовой борьбы, даже начиная прозревать их онтологическую инаковость в теории революционной ситуации, учении о восстании как науке и искусстве – они не совершают в теории закономерный переход к общему положению о суверенности и конкурентно-

сти этих факторов в рамках исторического, т.е. множественности путей становления самого исторического.

Так как исторический генезис конкретной государственности лежит всецело в рамках социально-политического, то в первом приближении к нему следует обозреть в общем плане саму область политического, полагая последнюю классически-возвышенным управлением/познанием социальных процессов – в отличие от современной рекламно-маркетинговой ПОЛИТОЛОГИИ, такого же суррогата политики, каким является современная ЭКОНОМИКА, практическое руководство по выжиманию прибыли (презираемая Аристотелем ХРЕМАТИСТИКА), в отношении эффективного хозяйствования. Естественник А. Эйнштейн признавал: «вероятно, наука политика значительно сложнее науки физики»; что со стороны философии подтверждает и Ф. Риккерт, указывая в своей классификации наук принципиальное отличие науки о политике истории как индивидуализирующей от всех прочих генерализирующих – но это лишь переложение на университетский жаргон высказывания О. Бисмарка: «мы немцы постоянно ошибаемся, полагая, что политика это наука, в то время как она искусство».

Но в рамках этого представления фактором политического становится очень многое, в частности, идеология, вполне признаваемая марксизмом: «идеи становятся материальной силой, как только они овладевают массами», как и вообще идеализмом; но и сверх того иные факторы, по смежностью

с искусством прежде обходимые прямым сциентистским исследованием: этнопсихологическое, субъективно-интуитивное... Оставим пока их рассмотрение по причине достаточности основного вывода для наших целей.

Рассматривая в целом генезис Древнерусской государственности, можно определённо утверждать, что уже факт **ОТСУТСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА** охватываемых ею территорий на всём протяжении её политической истории, в последний раз зафиксированный В. Лениным в 1918 году, подтверждённый для периода до 1882 года И. Ковальченко в работах 1970-1980-х гг., как и установленный факт оформления 6 центров ценообразования в РФ в 1990—2000 гг. прямо свидетельствуют о **ЗНАЧИТЕЛЬНО БОЛЬШЕМ ВЕСЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ, Т. Е. ОБЪЕКТИВНО-ДУХОВНЫХ И СУБЪЕКТИВНО-ИНТУИТИВНЫХ ФАКТОРОВ В ЕЁ ГЕНЕЗИСЕ**, нежели общепринятые оценки; что уже отчасти признаётся, например в констатации факта оформления Старомосковского Абсолютизма ранее начала формирования национального рынка в 17 веке, т. е. **НЕ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ**. Впрочем, это установлено и в отношении Испанской монархии 16 века.

Но если шагнуть на вершок дальше констатации совпадения видимых итогов, то аналогия повисает в пустоте. Испанский абсолютизм выростал из религиозно-конфессиональной идеи христианского единства, обратившейся в социальную практику; завязавшую вокруг Кастилии и завоёванный

Юг, и этноэкономических чужаков Каталонию, Астурию – полностью провалившийся в отношении Португалии и тем более Европы; если второе было вполне закономерно, то первое странно, нелогично, нехорошо – плохо для обеих сторон: Пиренеи как бы зависли на одной ноге, что многократно отдавалось в их истории... Но ни Две Руси, ни Российская Империя никогда не были охвачены той или иной общностью, заявляемой в разные периоды как основания государственной соборности – не нахватанным конгломератом; никогда не являли не только экономического, но и этнического и религиозного единства, и лишь в Большой России – СССР начало оформляться идеологическое притяжение к социальному идеалу на всеобщей основе.

Т.о. в достопамятной формуле «Православие, Самодержавие, Народность» два крылышка отсутствуют на всём пространстве истории отечественной государственности; и во внешнем обозрении она отличается от Империи Карла 5 только в одном смысле – по неизъяснимой причине возрождается после каждого крушения, станет ли это в 1612 или в 1920 году; и не осколком, подобным Австрии без Империи, Испании без Америк, а всё тем же Евразийским Великодержавием – тем, чем любят Хан-Гирей-Гаспринский, кн. Н. Трубецкой, Г. Вернадский; бесится З. Бжезинский и Объединённая Европа; верещат полячишки, печеринщина, сахаровщина, солженицынщина; грызут щелястые тараканы: тверские Петрики, пермские Андреевы, сифилисбург-

ские Салье... Имя им Легион.

Но сверх простой констатации различения только политической составляющей в отечественной государственности, к которой по отсутствию других видимостей и приходится обращаться, можно заметить, что сама субконтинентальная государственность, выразительно одинокая, как-то особо камертонна именно к политической области, возвышается или падает с Грозным Иоанном или Борькой Годуновым, Петром Великим или Мишкой Горбачёвым, мямлит и тянется с Александром 2 и Владимиром Путиным; странно прихотлива в отношении того, что оправдалось в практике других социумов – и оставляет Россию безучастной, как очевидный провал «министериальных нововведений» 1802—11 гг., «Великих Реформ» 1861 года, или «Оттепели» 1956. Т.е. являет собой организм совершенно особый.

При этом можно заметить на примере восторжествовавшего Старомосковского и Имперского Евразийского Великодержавия, что внешнеполитический компонент является задающим всем остальным, он открывает процессы модернизации прочих, или удерживает их в статическом состоянии, является главным измерителем государственной состоятельности. Внешнеполитические провалы запускают машину дворцовых переворотов или уличных революций, их отсутствие их гасит – общество вполне мирится с непопулярной Анной Иоанновной, успешной в Польше и Турции; оставляет декабристов наедине с Николаем 1; и приговари-

вает Александра 2 и Николая 2 за Берлинский конгресс и Цусиму. Внешнеполитический успех облакает ореолом великости: Пётр 1, Екатерина 2, при этом в особом смысле – отечественный эпос усматривает в монархах носителей не военных, а ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЧАЛ, и это восходит к былинной традиции Киевской Руси, безусловное отделение Княжого Государственного от Богатырского Военного, и не только в идеологии – в эпизоде столкновения кн. Мстислава Удалова и вуюя Олексы Ростовского в Липецкой битве, не пленившего, а прогнавшего враждебного князя «не в своё дело не входи», что совершенно отлично от Западных и Восточных традиций Ричарда Львиное Сердце и Гэсэр-хана.

Таким образом документированные внешнеполитические акты возникавшего, но в конечном счёте не реализовавшегося Восточнославянского Великодержавия Киевской Руси объективней и глубже свидетельствуют о причинах и источниках её генезиса, более отчётливо проясняют её характер, и подводят к пониманию причин её итоговой несостоятельности, совершенно несопоставимой с несостоятельностью нахватавшихся империй Карла Великого, Святополка Моравского, которые стали исходным пунктом к формированию расходящихся этносов и государств, более не повторяясь даже в попытках и традиции – Киевское Великодержавие Игоря-Ярослава возродилось в Московском, декларировавшем прямую преемственность от него, что конечно не следует ни преувеличивать, ни пренебрегать.

Но эта же политическая камертонность неслыханно поднимает значимость как индивидуально-политического прозрения, так и способность социума подхватить его, понести дальше срока жизни его творца, поднимаясь в социальной практике над всеми повседневными выгодами и делёжками.

Когда, в применении к чему, вокруг кого складывались те контуры политических устремлений, что обусловили как стремительный взлёт Древнерусской государственности, из черноморской тмутаракани вдруг разом влетевшей в центр международных размышлений от Скандинавии до Багдада в 10 веке – и так же ослепительно рассыпавшейся через 2 поколения после Святослава... И тем не менее зацепившая этноисторическое сознание непроходящей традицией, ложившейся былинным циклом о «киевских богатырях», возникшим ПОЗДНЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КИЕВСКОЙ РУСИ на русском северо-востоке, указателем к будущему?

Отслеживая по внешнеполитическим источникам становление нового социума на северо-востоке от долины Дуная, кристаллизующегося в Среднем Поднепровье, вполне славянском в 8 в., можно отметить 2 выразительные вспышки активности из этого района: в середине 9 века 830—870 гг.; и с середины 10 века уже непрерывно после 940 года.

К первому периоду относятся наиболее ранние достоверные документированные свидетельства генезиса каких-то политических новообразований северо-восточней Карпат: походы «новгородца» Бравлина на Крым, «Аскольдов» на-

бег 860 (866?) года на Константинополь, появление посольства «Народа Росс» при дворе императора Оттона 3, смутные свидетельства о крещении какого-то русского/киевского князя в имя «Николай»... В последние десятилетия этот корпус свидетельств усиленно переписывается сторонниками т.н. «Аланской Руси» на иной этнос – оставляем этот вопрос ПОКА открытым, полагая в нём более глубокое содержание, нежели попытку переменить Рюрика на Урюк-хана: наличие индо-арийских и индо-иранских традиций в истории Западной Евразии, отсутствие которых при более чем 2000-летнем пребывании их этносов-носителей в регионе было бы странным.

Начало этого периода можно опустить ниже до рубежа 8—9 веков и углубить до принципиальных выводов о нарастающем классовом образовании, разделении труда, международной экономической кооперации (свидетельства арабских авторов о государстве Валинана-Волынь правителя Маджака у тиверцев – идентификация Б.А.Рыбакова); развития процесса градообразования в Поднепровье (Куяба-Киев, Джерваб-Чернигов, Селябе-Переяслав арабских источников; Куявия-Киев, Славия-Словенск, загадочная Артания армянских).

Следует отметить, что если внимание арабских авторов привязано к обозрению Поднепровья, его 3-градья и возможной 3-государственности при стёртом роде названий, то в армянских проступает 3-государственность через жен-

ский род наименования – новообразованные славянские города ВСЕГДА ИМЕНУЮТСЯ В МУЖСКОМ РОДЕ, женский и средний род почти всегда означает производное автохтонных влияний, т.е. источники говорят не о городах, а о «землях». При этом определённо проступает свидетельство о наличии 2-государственности на балтийско-черноморском средостении – Артания несмотря на многочисленные попытки идентификации так и осталась тенью реальности: балтийская ли это Аркона на Рюане, или мордовская Эрдзя-Рязань.

В настоящее время косвенные свидетельства о периоде 2-государственности в истории Долетописной Руси находят мощное подтверждение в археологическом материале, свидетельствующем о 2-х направлениях вселения славян на Русскую равнину: с Северо-Запада через Балтику из Центральной Европы (из междуречья Эльба-Одра) и с Юго-Запада из долины Дуная, вполне автономных, сомкнувшихся достаточно поздно на Средне-Русском водоразделе в 8—9 веке. Наконец, летописная традиция свидетельствует и о 3 потоке вхождения славян в Западную Евразию, сухопутным путём с запада на восток из южных районов Польши, возможно из т.н. «славянского острова» Висла-Вислока-Бескиды, на котором оформились племенные союзы вятичей и радимичей, как и прослеживаемая Б. Рыбаковым летописная географическая традиция наименования «русской землёй» узкой полосы лесостепи от Чернигова до Воронежа, в послед-

нее время получившая убедительное подтверждение в археологическом установлении наличия славянского субстрата в районе Средней Волги и Жигулей уже в 3—5 в. Попытки идентифицировать этот регион с Артанией были поверхностны и безуспешны – вопрос остался открытым. Возможно, причины затруднения связаны с тем, что проблему привязывали не к славянскому, а к финно-угорскому этносу, и брали её слишком узко, поиском статического топонима, в то время как он мог исторически дрейфовать, что особенно характерно именно для славянской топонимики, например, кочевание Переяславль – Переяславль Залесский, Киевец – Киев, Новгород Великий – Новгород Нижний и т.д.; как и возможный шлейф исторической памяти о полулегендарной прародине, дошедший до сторонних информаторов. Следует отметить наличие сходной исторической традиции о выходе готов в причерноморские степи из какого-то острова Ойум, часто идентифицируемого с междуречьем Висла-Нарев-Буг. Но существенно, что та же летописная традиция особо подчёркивает сторонний характер этого славянского компонента общему генезису древнерусской государственности; вполне влившемуся в неё только в 11 веке после подавления восстания Ходоты (?).

В то же время результаты археологических работ в районе Самарской Луки выдвигают насельников «русской земли» Б. Рыбакова в качестве древнейшего славянского субстрата на Русской равнине, чему соответствует и летопис-

ный материал о выразительных чертах социально-экономической «отсталости» их быта в отношении «смысленных полян» Среднего Поднепровья, консервируемый общим уровнем окружающих финно-угорских народцев. Признание этого факта возбуждает новые проблемы в уже устоявшихся представлениях о генезисе славянского населения Приднепровья – усложняется картина перемещения славян со «славянского острова» по Волынскому водоразделу в долину Днепра, заявляемая В. Седовым и О. Трубачёвым. Приходится признать либо 2 волны славянского вселения из района Южной Польши, существенно различных по уровню культуры и социальной организации, т.е. далеко разведённых по времени; либо искать иных маршрутов вселения развитого полянского населения в район Днепра-Роси.

Киевская летописная традиция, на которую опирается О. Трубачёв в установлении района славянской прародины в широком регионе Подунавья от Норика до Карпат, отчётливо помнит и придерживается легенды выхода пращуров-основателей с Нижнего Дуная сохранение которой представляется маловероятным при медленном дрейфе оседлого населения долиной Тисы через Бескиды на «славянский остров» и дальнейшем повороте на восток; поворот тем более странный, что он полагает затруднённое сухопутное движение по водоразделу, в то время как Висла открывает легкодоступный речной путь на север.

С. Соловьёв и В. Ключевский подметили специфику

оформления исторических древнерусских земель-княжеств: они складывались по речным долинам, утверждаясь границами на водоразделах, что подсказывает иные пути славянского освоения Поднепровья из Подунавья – с кратким выходом в Чёрное море и подъёмом по течению рек Прута, Днестра, Южного Буга, Днепра. В легенде о божественных первооснователях Киева (Кий-Громовник, Щёк-Змей/Земля, Хорив-Солнце, Лыбедь-Судьба) они приплывают к Боричёву Взвозу на корабле. В старорусской традиции, перешедшей в православие, обретение местного святого-покровителя происходит прибытием его иконы, приплывающей против течения, часто на камнесечённом кресте; в более старых вариантах легенды приплывает сам святой. По реалиям Киева божественные основатели могли приплыть только с юга.

Установленный факт преимущественного вселения славянских этнообразований с Северо-Запада балтийским путём из Центральной Европы и с Юго-Запада из долины Дуная возбуждает вопрос об исходной 2-народности Киевской Руси. Свидетельством подобного рода можно рассматривать и Рюрикову легенду как отражение соперничества Приднепровья и возникавших государственных новообразований Северо-Запада: Ладоги, Плескова, Словенска, что сливаются в середине 9 века в Нове-городе.

Следует признать убедительную обоснованность отставяемого Д. Иловайским и Б. Рыбаковым наблюдения, что весь древнейший период, в том числе и долетописный, Ки-

евская южная Русь играла ведущую роль в составе восточно-славянских социумов на всём пространстве свидетельств политической, экономической и культурно-идеологической истории Западной Евразии. Здесь сохранились предания о старокиевской княжеской династии Киёвичей относимой Б. Рыбаковым к 6—7 веку, сохранилась память о именах её первых представителей – что совершенно неизвестно на севере, застывшем на уровне родо-племенных «старейшин»: Гостомысл, Водим Храбрый... И отнюдь не переменной Рюриковым родом – даже отредактированная и переписанная Сильвестром ПВЛ старательно избегает упоминаний о звании Олега Вещего не только в Новгороде, но и по утверждению его в Киеве, т.е. даже и при полном политическом торжестве – он лишь родственник/дядя младенца/племянника Игоря, **УТВЕРЖДЁННОГО В КНЯЖЕСКОМ ДОСТОИНСТВЕ ТОЛЬКО В КИЕВЕ**. Следует наконец огласить эту очевидную натяжку: по особо сакральному характеру княжеского звания, его функциям Держателя-Локопалы устоев «мира» он мог только наследовать, не избираться и не назначаться – даже в эпоху Московской Руси вполне самодержавный царь мог казнить любого князя, даже истребить весь род, **НО НЕ МОГ НИКОГО ВОЗВЕСТИ В КНЯЖЕСКОЕ ЗВАНИЕ**, только наградить **КНЯЖЕСКОЙ ЧЕСТЬЮ** писаться с «вичем». Иное полагало бы искреннее удивление общества, подобное достопамятному изумлению князя В. Шуйского «Бориску на Царя?».

Но кажется и Игорь и Ольга ещё не вполне «вкняжились» в общественном сознании, и только утверждённый в сакрально-социальном имясловии Святослав вполне признанный КНЯЗЬ. С НЕГО начинается традиция закрытых имён-титолов на «слав», «полк», и как-то особо «мир»... Очень много для размышлений даёт тот факт, что княжое «слав» получил только старший сын-наследник Игоря и Ольги при известном брате Улебе, и такое же «Ярополк» утвердил за своим наследником при братьях Олеге и Владимире.

Последнее имясловие очень интересно: есть глухое свидетельство, восходящее к разысканиям Соболевского и признаваемое Фасмером, что исходно имя имело другое звучание и смысл ВАДИМИР, от глагола ВАДИТЬ <ПРИВЛЕКАТЬ, ОБАЯТЬ, ОБМАНЫВАТЬ>, что очень подходит младшему сыну-рабичу. Очень многозначительно распределение имён его детей: наследник опять СВЯТОПОЛК в какую-то традицию, возможно от Святославова почина; остальные «-славы» от Ярослава до Мстислава; и младшие БОРИС и ГЛЕБ – НЕКНЯЖИЕ ИМЕНА... Христианских законных ДЕТЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ПРИНЦЕССЫ /в действительности «удочерённой» болгарской царевны/?. Кажется, лишь Окаянство Святополка разрушило это возникшее распределение рангов княжих имён-титолов. Впрочем, по разделению Руси между детьми Ярослава и утверждению лествичного права престолонаследия по старшинству в роде это распределение само по себе стало бессмыс-

ленным – былинная традиция начинает выделять единого Автократора-Владимира, почти бога Красно Солнышко; и весьма гадательно, был ли это исторический Владимир-Владимир или эпическое переосмысление по семантике имени. Но знаменательно, что старшего сына своего Ярослав назвал Владимиром, и лишь смерть ранее отца устранила того от киевского престола. В ОБЩЕМ, ВСЁ ЕЩЁ КЛУБИЛОСЬ И КЛОКОТАЛО ЧЕМ-ТО НЕБЫВАЛО НОВЫМ, НО ТАК И НЕ СЛОЖИЛОСЬ, И ПОШЛО В БУДУЩЕЕ КАКИМИ-ТО НЕОФОРМЛЕННЫМИ НАМЁКАМИ...

В сущности, единая древнерусская государственность явилась на внимание потрясённого мира в годы выразительного правления Игоря-Ольги-Святослава, более уже не выходя из рамок общеисторического процесса, отныне активно или окраинно в нём присутствуя. Но как соединены две внешнеполитические вспышки в русских летописях? НИКАК...

Те удивительные курбеты ПВЛ за 860—942 годы не только не исследованы – даже не представлены к широкой дискуссии. Можно прямо утверждать, что Игорь, явленный «сущим младенцем» дядей Олегом киевлянам в 882 году как «сын Рюрика» по исчислению лет с исчезновением последнего из отечественной истории в 869 году и утверждением во власти Олега в 879 имел в 882 году не менее 13 лет; и если следовать каноническому тексту ПВЛ, в 942 году, когда им внезапно овладела военная отвага, ему случилось не ме-

нее... 73 лет! И это после 33-летнего мирного захолуственно-го царствования?! Какая-то буря под конец: 2 похода на Византию, 2 похода на Каспий и Закавказские провинции халифата, взятие после 10-летней осады Пресечена и покорение дулебов – и всё на протяжении 941—45 годов; и вполне бесславная смерть быть разорванным согнутыми берёзами на Поганом болоте – воздаяние за жадность...

Ряд историков 1 половины 20 века настолько усомнились в подобных романтических перипетиях, что предпочитали начинать изложение общих курсов истории единой государственности восточных славян с Игоря Старого, как первого несомненного исторического лица по крайней мере с 942 года – но общий призыв Д. Иловайского относиться крайне осторожно с начальной частью ПВЛ, как вполне тенденциозной и вторичной, так и не был воспринят. Тем более, что подобное усекновение оказалось тем случаем, когда с грязной водой сливали и ребёнка: за бортом оказывались чрезвычайно важные свидетельства, например, тексты мирных и торговых договоров с Византией, проставленные в ПВЛ под 905, 907, 911 годы и настолько важные для практики межгосударственных отношений, что они воспроизведены там дословно – это было уже недопустимо чрезмерно!

Историк В. Ярхо, через моравское «Сказание об Иакове Мнихе» и вольных промыслах на исторической ниве гг. Фоменки-Носовского пропитался идеей «удвоения персонажей» на пространстве 866—945 гг., обнаружив там 2-х Оле-

гов, 2-х Игорей, 1—2 Ольги – дочитать его опус до конца у меня не стало сил. Удвоение сознания очень выразительный симптом...

Но следует очень внимательно присмотреться к выразительному обострению сообщений ПВЛ, уже не подтверждаемых внешними источниками, в промежутке 904—912 гг.: грандиозный поход на Византию, договора, вокняжение Игоря: 904-905-907-911-912... Из византийских источников, например Окружного послания патриарха Фотия, Легенды о чуде иконы Влахернской божьей матери, нам достоверно известен только Аскольдов поход 860/866 годов (разночтение в датах возникает из-за того, что в послании патриарха 866 года дата похода не указана, сам Фотий был рукоположен в 860 году). Поход завершился блистательным успехом, прорывом русского флота во внутреннюю гавань Константинополя (такое повторится только в 1453 году), разграблением загородных дворцов императорской фамилии и византийской знати: только доблесть английских телохранителей спасла императора Константина 5 от плена. Сохранилась даже такая эпическая подробность похода: проплывая мимо императорского дворца, русичи засыпали их стрелами с серебряными наконечниками. Через некоторое время русский князь прибывает в Константинополь с мирным посольством, заключает соответствующие торгово-политические договоры, и в завершение принимает крещение – с чем Б.А.Рыбаков связывает появление церкви Святого Николая за сто-

летие до Ольги в Киеве. Утверждается даже особая Русская Митрополия, перечисленная в ряду прочих в послании Фотия. Грандиозный «Олегов поход» 904—905 гг. византийские информаторы совершенно не заметили... Сказочно-удивительные подробности похода, особенно о русских лодях, плывущих с поднятыми парусами «по суху аки по морю», как-то уж очень подозрительно совпадают с известиями о походе 860—866 годов, расходясь только в одной детали, Аскольдов поход был чисто морским на 150 кораблях – Олегов заявлен комбинированным сухопутно-морским при 2000 кораблей...

Возникает естественное желание полагать события 904 года «летописной компиляцией» деталей 3 действительных походов 860, 941, 943 годов, но этому серьёзно препятствуют тексты торговых договоров 907 и 911 годов, переместить даты заключения которых предельно трудно по обоюдному практическому применению – Договора на пустом месте? Более естественно полагать за ними **ВЫРАЗИТЕЛЬНУЮ ВОЕННО-ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ ДЕМОНСТРАЦИЮ, ОБЕСПЕЧИВШУЮ ИХ ПРИНЯТИЕ...**

НО ПРИНЯТИЕ ЛИ?

Заклучить без военно-политического поражения **ВЫРАЗИТЕЛЬНО – НЕРАВНОПРАВНЫЙ ДОГОВОР** Византия не могла – а вот под реальной угрозой повторения памятной катастрофы **ПОДТВЕРДИТЬ И ЗАКРЕПИТЬ ТЕКСТОМ** уже существующие **ВПОЛНЕ**.

И на фоне этого успеха представить киевлянам в качестве нового князя «суца младенца» в 912 году... Русским летописцам, Нестору ли, писавшему при Ярославе через 100-летие после этих событий, или Сильвестру, переписывавшему через 100 лет труд предшественника под новгородские пристрастия князя Мстислава Великого, было уже нетрудно притянуть за уши к Рюрикову роду и Аскольдов поход 860 года.

Сам по себе возникает вопрос: кого тогда свергал Олег в 912 году, ведь Аскольд при такой передатировке был ему уже недостижим, и давно покоился в Аскольдовой могиле, вполне естественной для христианина, если только это не переименованный потомками тризный курган? Остаётся из летописных персонажей только приписываемый ему соправителем Дир, лицо при крайней бедности источников тем не менее документированное: сообщениями летописцев о перевороте 882 года «Аскольд убит на взвозе, а Дир на Верху»; и армянскими источниками, знающими «царя Диру», без упоминания соправителя. Сама немаскирующаяся необычность односложного имени как-то достоверно не придумана, находит подтверждение в именах исторических Мала Древлянского, Малка Любечанина.

Как тогда начинают складываться разноречивые свидетельства?

Что связывало руки Игорю после реального вступления во власть где-то около 930 года? Тяжелейшая война с дулеба-

ми, завершённая Свенельдом после 11-летней осады взятием неприступного Пресечена (вероятно, скалы Каменец-Подольского замка) и только после неё рывок на большее, к рынкам Багдада и Константинополя...

Завершаем этот гадательный фрагмент одним естественно-научным замечанием: исторический Игорь, ловконько прыгавший с корабля на корабль в 941 году, когда горел его флот; имевший 7-летнего СТАРШЕГО СЫНА в 946 году кроме других детей – не мог родиться ранее 900 года.

Очень важным для постижения идеологии и истории русского летописания является то, что во всех необходимых случаях авторы ПВЛ обращаются к иной, и можно понять вполне актуальной на момент написания исторической традиции, по точности деталей вставок наводящей подозрение о наличии письменных памятников, оставшихся в целом за пределами официального великокняжеского корпуса ПВЛ силвестровской редакции. Там, где великокняжеский родовой произвол Мономаховичей вступал в конфликт с великокняжескими государственными интересами – летописцы определённо становились на точку зрения государственных и всеобщих, выходя за рамки положенных ограничений и даже вступая в полемику с ними, например отстаивая Княжеское Достоинство первых правителей-основателей Киева в прямое нарушение заявленного Рюрикова канона: по умалчиваемой логике утверждающую приоритет киевских князей, как «наследственных», «в роде своём», «от пращуров»,

«богами данных» над новгородскими, «пришлыми», «на чужом», «от людей честь».

Так, «официальный Рюрикович» Святослав обосновывает свой Балканский поход правом на «наследие Киёвичей», град Киевец в низовьях Дуная, не голословность притязаний на который подтверждает и фрагмент «Тайной Истории Ромеев» Прокопия Кесарийского, относящийся к годам правления имп. Юстина 2, и повествующий о подвигах 10-летнего служения империи безымянного славянского князя, получившего за службу 3 города на Дунае. Б. Рыбаков проектирует его на «исторического Кия» ПВЛ; более скептические авторы полагают в этом византийском эпизоде первоисточник древнерусской легенды о первых киевских князьях; т.е. книжный характер самой легенды, возникшей как приземление сакрального предания о божественном происхождении Старокиевской династии от Кия-Щёка-Хорива-Лыбеди. Разумеется, от русских летописцев, творивших в эпоху христианского «книжника» Ярослава, и возможно и достохвально знание византийских источников и историографический уровень античного рационального эвгемеризма – но совершенно неестественно ожидать такое от языческого князя и его окружения: здесь следует полагать наличие и обращение к местной традиции.

Само притязание Святослава, подтверждаемое последующей декларацией о Переяславце на Дунае «здесь центр моих земель», выглядит как-то странно в составе корпуса

ПВЛ: «рюрикович» претендует на родовое наследие «киёвичей», да ещё в «третьи руки», после «хазар» и «варяга-Аскольда» – та же летопись свидетельствует, что в отсутствие юридических оснований Святослав обходился простым «Иду на вы...», нисколько не усомнясь в праве меча. Кажется, он и не знает, что он не «киёвич» ... И в летописи и во внешних известиях Святослав действует как южно-русский князь: в полном соответствии с гипотезой О. Трубочёва о дунайской прародине славянских народов, сохранившейся в старокиевской традиции, приискивает себе отчих земель, что совершенно утрачено в новгородских памятниках, возникших из стёртых реалий западно-лехитских перемещений из Норика на Эльбу и далее Балтикой, морской и сухопутной, на Северо-Запад Русской равнины.

Святославовы притязания можно рассматривать двояко:

1. как стороннего приобретателя киевского «стола», заявляющего претензии на всю полноту прав предшественника;
2. как законного родового наследника, требующего возврата своего родового наследуемого;

И характерно, что он утверждает себя во втором, закладывая контуры значительно более долговечного конструкта, не вопроса о компенсации – общеродовое в принципе не может быть предметом торга, и ещё в 17 веке Оттоманская Порта признавала справедливыми претензии московского боярского рода Ховриных на Княжество Феодоро в Крыму, перехваченное у них в 15 веке молдавскими господарями,

и по исторической перипетии оказавшемся у турок...

И тем более существенно другое: походы 941—943 годов никак не предполагали захвата каких-либо территорий ни в Византии, ни на Балканах, во всяком случае никаких свидетельств ни в летописях, ни в действиях, ни в традиции – военная кампания 970—972 годов была выразительно экспансионистской, декларируемая как принципиальное переустройство Киевской государственности из Днепровской в Дунайскую; из региональной во вселенскую, в Центр Земли, куда стекается всё лучшее; подо что закладываются долговременные идеологические обоснования, заявляются родовые претензии, прашурово право.

Но одной констатации экспансионистской составляющей балканских походов Святослава совершенно недостаточно для их характеристики – и по заявленному и по практическим мероприятиям это явилось новым небывалым государственным строительством, вплоть до переноса столиц, совершенное изменение государственной территории, преобразование этнополитического содержания; настолько полное, что в канун 1 Балканского похода он передаёт управление Днепровской Русью Ольге, а вторично возвращаясь на театр военных действий фактически устраняется от власти, разделяя Старокиевскую государственность на 3 наместничества между сыновьями, что косвенно ставит вопрос о его личной судьбе в случае неудачи – что и случилось...

Налицо нечто подобное коллизии 1700 года, но значитель-

но более развёрнутое, грандиозное; не оконное вхождение в европейские торговые рынки – преобразование Европы к своему постоянному присутствию; не скромненько присевший с бочка СПб – Царь-Град на Дунае, властно раздвинувший круг Константинополя, Ахена, Рима за Главным Столом. Нечто похожее и в то же время глубоко отличное от того, что грезилось Юстиниану, Карлу, Оттону «всё возьму – сказал булат». И что обращается в «единство и борьбу противоположностей»: Рим рождает Парфию; Германарих – Атиллу; Магомет – Чингисхана. Ярость преобразуется в ещё Большую Ярость – Божественный Прозелитизм развёртывает над миром Бич Божий...

И насколько закладываемое сыном совпадает и отлично от потуг отца...

В деятельности Игоря и Святослава присутствует выразительная переключка.

1. Оба в основном реализовались во внешнеполитической области – увы, во внутренней политике Равноапостольная Ольга начисто перекрыла мужа и сына, одним устройением уроков и погостов заложив основу государственной системы управления и налогообложения, администрации и суда, принципиально отличных от произвола насильнических разборок над примученным населением. Но если у первого она какая-то приземлено привязанная к требованиям наличного: скопидомство, следование проторённых путей, ориентиров, оценок; сбор ближнего по кусочкам: дулебы, севера,

древляне; канюченье местечек на торжищах Константинополя и Багдада – то вторая безоглядно залётная; через сегодня в завтра; не на обустройство наличного, на созидание нового.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.